Куда ведет политический кризис в Беларуси?

Евгений Прейгерман

Резюме

Беларусь давно известна как «последняя диктатура в Европе», как в 2005 году ее назвала бывшая госсекретарь США Кондолиза Райс. С 1994 года, когда Александр Лукашенко выиграл свою первую президентскую гонку, ни одни белорусские выборы не были признаны на Западе свободными и справедливыми. В результате на протяжении большей части 26-летнего правления Лукашенко Беларусь находилась под санкциями США и ЕС за нарушения прав человека и демократии. Однако, несмотря на многочисленные репрессии против оппозиции в прошлом, правительству Лукашенко удавалось сохранить общую внутреннюю стабильность, что также было важно для региональной безопасности, учитывая стратегическое положение Беларуси между Востоком и Западом. Однако, поскольку Беларусь вступила в самый серьезный и драматический политический кризис в своей современной истории, на этот раз может быть иначе.

Опубликовано Geneva Centre for Security Policy

Александр Лукашенко всегда пользовался значительной популярностью в обществе, и, хотя каждые президентские выборы, в которых он участвовал, за исключением выборов 2015 года, приводили к политической конфронтации в Беларуси, этой популярности ранее было достаточно, чтобы избежать серьезного кризиса. Тем не менее, примерно с 2012 года разворачивалась важная тенденция, которая постепенно разрушала его базу поддержки: снижались экономические показатели, что имело негативные последствия для обширной социальной политики правительства. Если в 2001-2010 годах среднегодовой рост ВВП Беларуси был на уровне 7,5 процента, то в 2011-2019 годах он снизился до 1,2 процента. В результате у властей не было другого выбора, кроме как начать сокращать так

называемый «социальный контракт», который на протяжении почти двух десятилетий обеспечивал политическую стабильность в обмен на социально-экономические выгоды.

> Другими словами, в рамках системы социального контракта различные общественные группы получали стабильный экономический рост и социальную безопасность, а со своей стороны демонстрировали политическую лояльность правительству.

Постепенная дезинтеграция социального контракта имела двойной эффект. С одной стороны, это рассердило значительную часть базового электората Лукашенко, которая получала все меньшее социальное обеспечение. С другой стороны, побудило многих белорусов искать лучшие возможности в частном секторе или за рубежом. И эта последняя категория начала рассматривать Лукашенко как проблему как раз по противоположной причине: его попытки сохранить основные элементы социального контракта подразумевали высокие налоги и другие трудности в ведении бизнеса.

Растущее недовольство социально-экономической политикой государства усугублялось рядом ошибок правительства. Пожалуй, наиболее пагубным было то, как власти отреагировали на кризис COVID-19. В частности, риторика Александра Лукашенко о том, что коронавирус – всего лишь психоз, и его настойчивые требования продолжать массовые мероприятия, несмотря на эпидемиологическую опасность. Его позиция, похоже, натолкнула многих белорусов на мысль, что президент просто ни во что не ставит жизни простых граждан.

А потом началась президентская кампания. Учитывая фоновые события – в частности, постепенный распад социального контракта и катастрофическую реакцию правительства на вспышку COVID-19 – выборы быстро превратились в плебисцит. Многие люди (хотя невозможно сказать, сколько точно, потому что независимые опросы общественного мнения в Беларуси запрещены) были полны решимости именно голосовать против Лукашенко и в меньшей степени уделяли внимание программам и личностям альтернативных кандидатов. И когда 9 августа Центральная избирательная комиссия объявила, что Лукашенко выиграл с результатом более 80%, по всей стране начались массовые протесты. Они получили еще больший импульс несколько дней спустя, когда страна узнала о

беспрецедентной жестокости полиции по отношению к демонстрантам. Тогда многие наблюдатели начали делать преждевременный вывод о том, что дни Лукашенко сочтены.

Однако действующему президенту удалось вернуть инициативу. Ему, вероятно, помогли два фактора. Во-первых, политическая поддержка Москвы, которая стала решающим сигналом для белорусского госаппарата и, самое главное, правоохранительных органов, на которые действующий президент сильно полагается. Во-вторых, протестное движение не смогло преобразовать свою низовую энергию в политическую стратегию, направленную на то, чтобы заставить Лукашенко уйти с поста.

В результате политический кризис в Беларуси почти наверняка станет затяжным.

> Лукашенко достаточно силен, чтобы сохранить власть, по крайней мере, пока; но он недостаточно силен, чтобы полностью сокрушить оппозицию, что обычно делал в прошлом.

В этой ситуации ключевым фактором стала Россия, и многое зависит от ее позиции после того, как Александр Лукашенко запросил у Москвы помощь в области безопасности на случай, если внутренняя ситуация выйдет из-под его контроля. Владимир Путин быстро подтвердил готовность Москвы оказать такую помощь и в целом поддержал Александра Лукашенко. Для России Беларусь имеет критическое геостратегическое значение, и, следовательно, она хочет избежать ситуации, когда смена правительства в Беларуси может угрожать ее интересам, если новые власти активизируют отношения с Западом, как это было в Украине. Более того, Кремль, похоже, не желает спокойно смотреть, как лидеры постсоветских государств свергаются народными протестами. Однако это не означает, что Москва взяла на себя обязательство поддерживать Лукашенко бесконечно и безоговорочно. Скорее всего, она будет оценивать будущие события и корректировать свою политику в отношении Беларуси с целью усилить и диверсифицировать свое влияние на Беларусь.

Другие же международные игроки имеют очень ограниченное влияние на Беларусь. Но ключевой задачей для всех акторов должно стать обеспечение того, чтобы ситуация в Беларуси не стала геополитизироваться, как это было в случае с Украиной. И чтобы, таким образом, белорусский политический кризис не подорвал бы стабильность всего восточноевропейского региона.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»